

К. Пахалюк

Член Российской ассоциации историков Первой мировой войны

КОМАНДУЮЩИЙ 1-Й АРМИЕЙ ГЕНЕРАЛ П. К. ФОН РЕННЕНКАМПФ

***Аннотация:** В статье рассматривается биография генерала П. К. фон Ренненкампа. Особенно подробно анализируется его деятельность как командующего 1-й армией во время боевых действий в Восточной Пруссии. Внимание уделяется не только развитию ситуации на фронте, но и тем интригам, в которых участвовал генерал.*

***Ключевые слова:** Первая мировая война, Восточная Пруссия, генералитет, георгиевские кавалеры*

Деятельность генерала П. К. фон Ренненкампа, командовавшего 1-й армией в годы Первой мировой войны, давно привлекает внимание историков. Его отчисление от командования в 1914 г. сопровождалось слухами о предательстве. В эмиграции Ренненкампа считали чуть ли не героем, а в СССР обвиняли в бездарности¹. Так что же было на самом деле?

В первую очередь необходимо отметить, что Ренненкампа обладал значительными связями в высшем обществе: в его круг входили кн. Белосельский-Белозерский и «адъютант господ Бога» кн. Андроников (оба — известные и влиятельные светские деятели и интриганы), Свиты генерал кн. Орлов и шталмейстер двора вл. кн. Константина Константиновича генерал Н. Н. Ермолинский. После подавления революционного восстания в Забайкалье в 1906 г. Ренненкампа пользовался благосклонностью императора, в 1912 г. получив свитское звание генерал-адъютанта. Более того, восприемницей одной из его дочерей была императрица Александра Федоровна.

Обратим внимание и на то, что Павел Карлович получил прекрасное военное образование: сначала окончил Гельсингфорское пехотное юнкерское училище, а затем самое элитное военное учебное заведение страны — Николаевскую академию генштаба. За отличия в учебе ему досрочно присвоили звание майора.

Третье, что необходимо отметить, это характер. Генерал М. И. Драгомиров так отзывался о молодом полковнике: «Ну, этого затереть не смогут. Из него выйдет большой полководец. Люди, подобные ему, оце-

ниваются только во время войны»². Современники отмечали жгучую активность генерала, импульсивность, харизматичность и крутой нрав. Многие сослуживцы попадали под влияние его сильного характера.

Однако даже доброжелатели считали, что справедливостью тот не отличался и имел склонность к выдвиганию бездарных любимчиков³. А. И. Деникин, признавая военные таланты генерала, писал о его честолюбии: «Ренненкампф же смотрел на людской элемент своих частей, как на орудие боя и личной славы. Но его боевые качества и храбрость импонировали подчиненным и создавали ему признание, авторитет, веру в него и готовность беспрекословного повиновения»⁴.

Существовали у генерала и «проблемы» с нравственностью. Он отличался весьма легким отношением к женщинам, сам был четырежды женат и имел множество любовных связей. Другой отрицательной чертой оказалась склонность к казнокрадству, которая лишь усиливалась низким офицерским жалованием в царской армии. Так, он дважды был вынужден оставлять вверенные части из-за финансовых махинаций: в 1899 г. — 36-й драгунский Ахтырский полк и в 1906 г. — 3-й Сибирский корпус⁵.

Вместе с тем Ренненкампф проявил себя как храбрый и талантливый военный в период подавления восстания инхэтуаней 1900 г. в Китае и Русско-японской войны, заслужив за первую кампанию ордена Св. Георгия 4-й и 3-й ст., а за вторую — два Георгиевских оружия (одно с бриллиантами, другое — с надписью «За храбрость»).

В целом, Ренненкампф преуспел в подготовке войск в мирное время. Капитан А. А. Успенский, командир роты в 106-м Уфимском полку, писал о нем, когда тот еще командовал 3-м армейским корпусом (1906–1913 гг.): «Еще будучи нашим корпусным командиром, он высоко поднял боевую подготовку 3-го армейского корпуса: постоянными маневрами, пробными мобилизациями, кавалерийскими состязаниями, боевой стрельбой с маневрированием даже в морозы, состязаниями в походном движении и т. п., причем войска всегда видели его среди себя на коне, несмотря ни на какую погоду, красивым, «лихим», простым в обращении!»⁶. Сослуживцы за активность и крутой нрав прозвали Ренненкампфа «желтой опасностью» (он носил форму Забайкальского казачьего войска с желтыми лампасами)⁷. Когда в 1913 г. он стал командующим войсками Виленского военного округа, то это решение, как писал генерал В. И. Гурко: «приветствовалось как назначение человека, способного в случае войны достойно послужить родине...»⁸.

Перед тем как подойти к анализу деятельности Ренненкампа в годы Первой мировой войны, нужно отметить особенность его положения в офицерском корпусе: с обеими наиболее влиятельными фигурами которого он имел натянутые отношения. Речь идет о Верховном главнокомандующем вл. кн. Николае Николаевиче, а также о военном министре В. А. Сухомлинове. В частности, последний знал о махинациях Ренненкампа в Ахтырском полку (поскольку служил тогда начальником штаба Киевского военного округа)⁹, и впоследствии, будучи министром, безуспешно пытался убедить императора не давать ему звание генерал-адъютанта и не назначать на пост командующего 1-й армией¹⁰. Лишь благосклонность Николая II и связи при дворе помогали получать повышения, вести интриги и чувствовать себя относительно свободно, зная, что многое сойдет с рук. Свободу действиям Ренненкампа в годы войны добавляло и то, что до середины сентября 1914 г. в штабе армии присутствовали некоторые представители царской фамилии — кн. Иоанн Константинович и вл. кн. Дмитрий Павлович, последний, кстати, из рук генерала получил орден Св. Георгия 4-й ст. за сомнительное отличие в Каушенском бою (19 августа) причем это было сделано на глазах его сестры (и одновременно кузины императора) вл. кн. Марии Павловны, которая в начале сентября 1914 г. находилась в Инстербурге вместе с госпиталем, в котором работала¹¹. Однако доступ ко двору имели и недоброжелатели, а потому сведения о некоторых предвоенных махинациях попали на стол самодержцев разгар боевых действий в Восточной Пруссии, однако он повелел «дело это оставить пока без движения»¹².

Более того, нельзя не отметить, что с началом войны разразился конфликт Ренненкампа с его непосредственным начальником — главнокомандующим Северо-Западным фронтом генералом Я. Г. Жилинским. Среди наиболее вероятных причин можно назвать личную неприязнь, а также финансовые махинации самого генерал-адъютанта. Так, 16 августа 1914 г. 1-я армия заключила контракт с купцами-евреями Мазелем и Шлезингером (с последним Ренненкампа пытался провести аферу и в 1906 г.) на поставку фуража и провианта на сумму около 3 461 000 рублей, что оказалось вдвое выше по сравнению со средне-справочными ценами, хотя согласно новому полевому уставу снабжение армии вообще являлось задачей фронта. Благодаря доносу начальника этапнохозяйственного отдела штаба 1-й армии генерала Г. Д. Янова это дело дошло до Жилинского, который приказал расторгнуть договор¹³. Рен-

Ренненкампф оправдывался неполным пониманием только что вышедшего Положения о полевой службе войск. Этот конфликт привел и к расколу в штабе армии, причем он усилил давнее неприязненное отношение командующего к начальнику штаба Милеанту, который, хоть и сохранил должность, но был фактически устранен от принятия решений¹⁴. Ренненкампф же больше опирался на генерал-квартирмейстера генерала Баиова, а также лично верных ему людей — свиту, состоявшую в большинстве своем из интриганов, чей военный профессионализм вызывал широкие сомнения¹⁵.

В итоге, Восточно-Прусская операция начиналась в условиях конфликта между лицами, ответственными за ее проведение, что разъедало доверие друг к другу, а это не могло не затруднять слаженность действий, от чего и зависел успех. Наступление осуществлялось силами двух армий: действуя в обход Мазурских озер с обеих сторон по сходящимся направлениям, они должны были окружить противника. Немцы же (8-я армия М. фон Притвица) предполагали занять оборону и поодиночке разбить вражеские армии. Стремясь использовать эффект внезапности, командование фронтом начало операцию, не окончив до конца сосредоточение. Ренненкампфу предписывалось действовать против левого фланга немецких войск в направлении на Кенигсберг. Несмотря на то, что первый этап наступления в Восточной Пруссии считается успешным, сам Ренненкампф проявил себя весьма слабо.

Наступление началось 17 августа (в разгар упомянутого конфликта между командующим армией и главнокомандующим фронтом). Наши корпуса перешли границу неравномерно, в результате чего 3-й армейский корпус выдался вперед и попал под удар 1-го немецкого корпуса генерала Г. фон Франсуа (который полагал, будто наносит удар по правому флангу русских войск). В результате у Шталлупенена завязался тяжелый бой, в ходе которого поражение потерпела 27-я пехотная дивизия, вынужденная отойти к границе. Вместе с тем ввиду пассивных действий русской конницы и недостаточной активности 29-й пехотной дивизии немецкому корпусу, который вел бой фактически один на один с русской армией, с потерями удалось отступить. К сожалению, Ренненкампф не занимался координацией действий войск во время этого боя, протекавшего без его участия. Хотя если бы командующий армией вмешался, отдав приказ коннице Нахичеванского, а также командирам 4-го и 20-го армейских корпусов действовать активнее во фланг противника, то бой у Шталлупенена окончился бы весомой победой.

Наступление 1-й армии возобновилось лишь днем 18 августа. В это время немцы стягивали все силы, предполагая 20 августа перейти в решительное наступление и разгромить русских. Вместе с тем командующий армией не сумел организовать деятельность разведки и оставался в неведении о реальном положении противника. Более того, он не придавал значимость событиям, которые развернулись 19 августа на правом фланге. В частности, у д. Каушен конный корпус Хана Нахичеванского весь день вел тяжелый бой с окопавшимся противником, заставив его под конец дня отойти. В это же время тяжелый бой в районе Ушбаллена и Бракупенена вела 28-й пехотная дивизия, в ходе которого поражение потерпел 109-й Волжский полк. Эти события могли бы заставить задуматься о планах противника, однако ни Ренненкампф, ни его штаб, ни другие начальники не придали им значения. Командующий армией, по всей видимости, конструировал ситуацию исходя вовсе из иных фактов. Он видел, что его армия наступала несколько дней с боями, солдаты устали, а тылы были не налажены. А потому Ренненкампф решил на 20 августа назначить дневку, в то время М. фон Притвиц уже сосредоточил свои силы и готовил контрнаступление с целью разгрома вторгшихся русских войск.

В историю это сражение вошло под названием Гумбинненского. Не будем останавливаться на его деталях, отметим лишь то, что 1-я армия нанесла поражение противнику и заставила его отступить. Правда, лавры победы должны достаться командирам корпусов и дивизий (а также слабому полководческому таланту немецкого командующего генерала фон Притвица), и в меньшей степени — самому Ренненкампфу, участие которого в управлении войсками (в т. ч. из-за рейда германской кавалерии по тылам) было минимально. Как и в боях 17–19 августа, Ренненкампф больше реагировал на ход событий, нежели управлял им. Так, он пытался преодолеть кризис на правом фланге, выслав от штаба капитана Дормана с целью наладить связь между пехотой и кавалерией, правда, сделать последнему это не удалось, поскольку Нахичеванский фактически отказался подчиняться. Однако потом Ренненкампф проигнорировал и оставил без наказания подобную преступную пассивность. Нахичеванский обладал широкими связями в верхах, а потому интригами мог весьма навредить положению командующего при дворе. Неудивительно, что именно после Гумбинненского сражения вл. кн. Дмитрий Павлович и кн. Иоанн Константинович, служившие в гвардейской кавалерии (которая входила в корпус Нахичеванского), оказались в штабе

1-й армии. При этом за недостаточную активность командующий отчислил от должности начальника 1-й отдельной кав. бригады генерала Н. А. Орановского, брата начальника штаба фронта В. А. Орановского, что еще больше углубило конфликт с непосредственным начальством.

Наиболее важное решение Ренненкампом было принято уже к концу дня. К тому время ситуация была следующей: на флангах немцы не смогли добиться решительных успехов, а в центре их наступательный порыв разбился о стойкость русских войск. Более того, Притвиц получил сообщение о том, что на юге границу перешла 2-я русская армия. В результате, он запаниковал и приказал войскам отступить. Ренненкамп же решил не преследовать. Несмотря на то, что в дальнейшем многие критиковали его за это, данное решение можно признать верным: армия понесла тяжелые потери (кстати, большие, нежели противник), наши дивизии были сильно измотаны (некоторые из них едва держались) и не могли наступать. Эффективность же кавалерии справедливо могла быть поставлена под вопрос. Стоит учесть и высокий расход боеприпасов при не налаженной системе тыловых коммуникаций. Таким образом, преследование было бы авантюрой, от которой Ренненкамп справедливо отказался.

Вместе с тем Гумбинненское сражение было воспринято как крупная победа. Изначально в штабе 1-й армии полагали, будто противник отошел на позицию р. Ангрепп, однако, когда 23 августа наступление возобновилось, русские войска не обнаружили перед собой немцев. В итоге в штабах решили, будто германцы отступают. Потеряв соприкосновение с противником, 1-я армия продвигалась средними темпами, упустив инициативу. Ренненкамп, как и командование фронтом, прибывал в неведении относительно истинных планов германцев. А 26 августа он получил из штаба фронта приказ, ставивший двойную цель: обложить крепость Кенигсберг, где, по мнению Жилинского, укрылась часть вражеской армии, а остальными силами продолжить преследование в сторону Вислы. Однако сделать это не удалось. В эти дни немцы оторвались от Ренненкампа и атаковали 2-ю армию, разгромив ее в сражении у Танненберга 26–31 августа. С этими событиями связан миф о т. н. предательстве Ренненкампа, который якобы из-за личной неприязни не оказал помощь войскам Самсонова.

В реальности, к утру 28 августа разобравшись в тяжелом положении 2-й армии, штаб фронта приказал Ренненкампу спешить на помощь, а Самсонову — отходить к границе. Последняя телеграмма так и не до-

шла до адресата. Ренненкампф же стал разворачивать корпуса и направил конницу в тылы противника, а 29 августа решил организовать наступление. Для этого под свою ответственность он хотел нарушить приказ Верховного главнокомандующего о выдвигании в район Граево 2-го корпуса, чтобы использовать его в общем ударе¹⁶. Правда, вскоре последовал приказ оставаться на месте, т. к. в штабе фронта решили, будто войска Самсонова отошли к границе. Реальную обстановку уяснили лишь к ночи на 30 августа, но было поздно. В целом, не существует оснований возлагать на Ренненкампфа вину за гибель 2-й армии: он действовал в соответствии с приказами главнокомандования фронта. А абсурдность утверждения, будто в годы русско-японской войны Самсонов дал Ренненкампфу пощечину, а потому между ними существовала вражда, уже была доказана в рамках отдельного исследования, а потому останавливаться на этом эпизоде нет смысла¹⁷.

Однако в эти дни начинается серьезное противостояние между Ренненкампфом и Жилинским. Поражение Самсонова пошатнуло положение последнего, чем и решил воспользоваться командующий 1-й армии, отчасти опасаясь обвинений в безынициативности, отчасти, видимо, желая занять его место. Интриги он начал вести через лиц, близких ко двору — свиты генерала Орлова, а также генерала С. С. Джунковского. Жилинский обвинялся во враждебности к Ренненкампфу, а также в том, что не позволил ему прийти на помощь Самсонову¹⁸.

Тем временем в начале сентября русские войска пребывали в неведении относительно дальнейших планов противника. Ренненкампф решил остаться на занимаемых позициях, укрепить позиции и перейти к обороне¹⁹, затем стал вообще планировать о переходе в наступление, в чем был поддержан Жилинским. Вместе с тем сохранялась опасность глубокого обхода левого фланга, «повисшего» в воздухе у Мазурских озер, однако в то время в районе Сувалок формировалась новая 10-я армия, которая в случае опасности, как думал Ренненкампф и заверял главнокомандующий фронтом, могла оказать поддержку²⁰.

Но противник сам сосредотачивался против 1-й армии, предполагая охватить ее левый фланг и, призвав к Неману, уничтожить. Уже 7 сентября части обходной группы вступили в соприкосновение с левофланговой 43-й дивизией²¹. Немцам удалось ввести Ренненкампфа в заблуждение относительно своих планов. Неловкую роль сыграл и Верховный главнокомандующий, который незадолго до этого потребовал обратить внимание на правый фланг и на активность противника у Мемеля. О на-

высшей опасности Ренненкампф понял только 8 сентября и стал подтягивать резервы, ожидая, что соседняя 10-я армия, вернее, ее 22-й корпус, окажет содействие. Но ее войска либо только сосредоточивались, либо успели потерпеть поражение в частных боях, а потому не могли наступать. А Жилинский вообще начал отвод 22-го армейского корпуса назад, к Августову. Когда утром 9 сентября это окончательно выяснилось, Ренненкампф отреагировал быстро: приказал перебросить 20-й корпус с правого фланга на левый и стал туда же стягивать конницу, при этом начав 10 сентября отступление основными силами.

Однако командующий армией не отбрасывал идею, что удастся силами левого фланга и 10-й армии организовать контр наступление. Утром 11 сентября Жилинский поддержал эту идею²², однако в реальности войска понесли слишком большие потери, чтобы иметь успех. Видимо, поняв это днем, Жилинский указал на необходимость как можно скорейшего отхода²³. Вместе с тем потрепанные левofланговые части 2-го корпуса генерала В. А. Слюсаренко²⁴ контратаковали, что стало полной неожиданностью для противника, который решил, что атакован превосходящими силами. Немцы вскоре обнаружили ошибку, однако к тому времени уже успели изменить направление движения обходного крыла, что по признанию начальствующих лиц 8-й армии сорвало планы по окружению русских²⁵.

Одновременно в переписке со Ставкой Жилинский попытался переложить всю вину на Ренненкампфа, обвинив его в медлительности, непонимании серьезности обстановки, утрате связи с корпусами и даже в отсутствии заботливости (!), выражавшееся в том, что у войск не было хлеба (потому Жилинский собственноручно выслал целый поезд)²⁶. Одним из основных стало обвинение в «трусости»: именно так главнокомандующий пытался трактовать перемещение штаба армии глубже в тыл под угрозой захвата неприятелем. А 12 сентября Жилинский даже стал испрашивать у Ставки разрешение на отрешение Ренненкампфа от командования, планируя при этом наконец-то осуществить вспомогательный удар войсками 10-й армии²⁷.

Хотя обвинения Жилинского сгущали краски, безусловно, Ренненкампф и его штаб проявили себя не лучшим образом. А из-за непродуманного плана отхода тылы смешались, что затрудняло движение первоочередных частей. Нераспорядительность же некоторых начальствующих лиц вносила дополнительную дезорганизацию. В итоге армия перемешалась, на какое-то время потеряла управление (контроль

над ситуацией утратил не только Ренненкампф, но и многие командиры корпусов и начальники дивизий), хотя к 13 сентября в беспорядке отошла за границу, а затем за р. Неман. Немцы не преследовали. Отметим, что тяжелая ситуация на фронте позволила Ренненкампфу отчислить от должности начштаба Милеанта.

Однако попытка Жилинского переложить на подчиненного всю вину провалилась. После посещения штаба 1-й армии начальник штаба Ставки генерал Янушкевич донес, что, по его мнению, командующий остался тем, кем был (хотя учитывая, мягко говоря, «прохладное» отношение к Ренненкампфу в Ставке, весьма сомнительно, что в этих словах речь шла о «полководческих талантах» генерала), а потому должность потерял Жилинский. Впрочем, для него ситуация в любом случае была проигрышна, т. к. убрать Ренненкампфа не удалось даже вл. кн. Николаю Николаевичу. Как вспоминал генерал-квартирмейстер Ставки Ю. Н. Данилов: «представление Верховного Главнокомандующего об отчислении генерала Ренненкампфа было предупреждено Высочайшей телеграммой с крайне неожиданным советом — вверить генералу Ренненкампфу главнокомандование армиями... фронта»²⁸. Последнее, конечно, сделано не было. На место Жилинского был назначен генерал Н. В. Рузский, командующий 3-й армией, снискавший в Галицийской битве славу героя. Однако с новым начальством у Ренненкампфа также не сложились отношения. Вероятно, роль здесь сыграли его карьерные амбиции и то, что Рузский был близок к военному министру Сухомлинову.

После победы над русскими немцы перебросили основные силы на помощь союзникам-австрийцам, оставив в Восточной Пруссии небольшие части (до 100 000 человек) с задачей вести демонстративные действия, что они сделали с успехом, начав 25 сентября бои у Сопочкина. Хотя к началу октября русские армии вышли к границе, командование все же на некоторое время было введено в заблуждение, а 10-я армия понесла неоправданно высокие потери. Ситуацией решил воспользоваться Ренненкампф. 30 сентября он отправил С. С. Джунковскому телеграмму, в которой обвинял Рузского в некомпетентности, ставя в вину отвод войск за Неман, что в дальнейшем дало противнику большую свободу маневра, и отсутствие должной координации между армиями, что не позволило добиться успеха. Однако интрига не удалась. Телеграмму перенаправили Рузскому, а он организовал расследование, т. к. в ней помимо прочего содержались сведения секретного характера. В итоге Ренненкампфу пришлось оправдываться, вина была

свалена на отправившего эту депешу капитана Толузакова, а главнокомандующий фронтом временно спустил дело на тормозах²⁹.

Первая половина октября прошла в бесплодных приграничных столкновениях, в целом малоудачных для 1-й армии. На правом фланге части 3-го корпуса вели долгие бои у Ширвиндта, которые к середине месяца благодаря удачному немецкому маневру закончились поражением свежей дивизии. Наступление на левом фланге у оз. Ганча тоже окончилось ничем. Причем за его провал Ренненкампф винил генерала П. И. Мищенко, командира 2-го Кавказского корпуса, который составлял правый фланг 10-й армии и наносил основной удар. Он действовал нерешительно и неумело, обстановки полностью не понимал, посылал противоречивые донесения, а потому вызывал справедливые нарекания со стороны Рузского и Ренненкампфа, который в свою очередь пытался оказать содействие развитию операции атакой 20-го корпуса³⁰. Однако негативное отношение Ренненкампфа к Мищенко, вероятно, обуславливалось и старой неприязнью, берущей начало в русско-японской войне³¹. Более того, Мищенко временно был подчинен 26-й корпус 1-й армии, а 4 октября он отдал приказ вступить в бой коннице Леонтовича, которая отдыхала после боев в тылу кавказского корпуса, однако входила в состав 1-й армии³². Все это не могло не оскорбить Ренненкампфа, который пытался в донесениях свалить всю вину на своего врага, впоследствии называя его «злым гением августовской операции». Хотя важно отметить, что неприязнь не выражалась в оперативных решениях командующего 1-й армией: он мог интриговать в донесениях, но решения принимал исходя из ситуации, сложившейся на фронте.

Остаток октября 1-я армия пассивно провела на занимаемых позициях, участвуя в боях местного значения. Одновременно тяжелые сражения шли в Польше. Немецкая армия пыталась прорваться на Варшаву, но была остановлена и с большими потерями вынуждена отступить назад. В итоге родилась идея наступления вглубь Германии, которое поручалось Северо-Западному фронту. Вместе с тем внимание Ставки привлекло то, что Млавское и Влоцлавское направления оставались неприкрытыми, а потому в конце октября было решено: на восточно-прусском фронте включить в состав 10-й армии войска Ренненкампфа, а его самого вместе со штабом перекинуть под Млаву, дав четыре корпуса, объединенных в новую 1-ю армию³³. Задачей являлось прикрытие этого направления и оказание содействия соседней 2-й армии С. М. Шейдемана.

Одновременно немцы решили атаковать в промежуток между 2-й и 1-й русскими армиями. К 15 ноября германцы продвинулись глубоко вперед, нанеся поражение двум нашим корпусам. Ренненкампф с первых дней видел опасность, нависшую над его армией, однако Рузский до последнего отказывался в нее верить, а потому не удалось предпринять должных контрмер. В итоге наши войска попали в тяжелое положение — перед противником открылась дорога для удара по правому флангу 2-й армии. 17 ноября германцы образовали ударную группу генерала Шеффера, которая вышла ей в тылы. Только теперь 1-й армии предписывалось левым флангом (Ловичский отряд) ударить обходящему противнику во фланг и окружить его. Несмотря на то, что действия войск Ренненкампфа были вялыми в т. ч. и из-за нераспорядительности нижестоящих командиров, группа Шеффера все же попала в тяжелое положение и стала пробиваться назад. Просчеты русских в управлении, в т. ч. 1-й армией и Ловичским отрядом, и непонимание обстановки позволили противнику избежать полного окружения. Как писал историк Г. К. Корольков: «Ренненкампф смотрел на риск, как на азарт, и всегда шел ему навстречу, не считаясь ни с чем. Отсюда получались даже нелепые планы, почти не учитывавшие группировки противника, и редко продумывались»³⁴. Хотя именно решения Рузского в первую очередь привели к неудаче под Лодзью, он стал сваливать вину на подчиненных, в т. ч. и на Ренненкампфа.

Отметим, что к тому времени Ренненкампф в глазах многих был дискредитирован. Отчасти он стал «жертвой» развернувшейся патриотической истерии, которая в каждом носителе немецкой фамилии стали видеть предателя. Отсутствие значимых успехов и досадные ошибки еще больше подрывали доверие и не позволяли императору более защищать генерал-адъютанта. Поддержка при дворе была главным препятствием в вопросе об отчислении Ренненкампфа (примерно та же ситуация сложилась в отношениях между последним и Ханом Нахичеванским). Как видно, в вопросе занятия командных должностей связи имели больший вес, нежели профессионализм, а генералы больше напоминали придворных, а не простых военных. В целом же, сложилась абсурдная для армии ситуация, когда нарушался принцип единоначалия и начальник не мог свободно вести себя в отношении подчиненного. В итоге, «проблема Ренненкампфа» была улажена теми же «политическими» методами — абсолютная дискредитация в обществе и высших сферах сделала его уязвимым. Приезд императора в Ставку

на завершающем этапе Лодзинской операции позволил решить все проблемы и добиться согласия венценосца: 1 декабря Ренненкампф был отчислен от командования³⁵. Попытки оправдаться ничем не увенчались, а распространяемые им записки о действиях в Восточной Пруссии и под Лодзью еще больше подпортили репутацию³⁶. Провалились и попытки действовать через великих князей³⁷. Была даже образована специальная комиссия, которая расследовала деятельность Ренненкампфа, однако было решено не предавать его суду, а отправить в отставку (на этом настоял сам Сухомлинов, который мудро не желал раздувать скандал)³⁸. В апреле 1916 г. генерал обратился к главнокомандующему Северным фронтом генералу А. Н. Куропаткину с просьбой восстановить его на службе (дать хотя бы кавалерийскую дивизию), однако начальник штаба Ставки генерал Алексеев выступил против³⁹.

К сожалению, оправдать доверие, оказанное императором накануне войны, Ренненкампфу не удалось. По духу он так и остался командиром кавалерийской дивизии, харизматиком, готовым лично рваться в бой. А. Нокс, английский военный наблюдатель при русской армии, справедливо отметил, что генерал «мог быть Мюратом, если бы жил сотней лет раньше. Но в двадцатом веке он был анахронизмом»⁴⁰. Ренненкампф действительно был бравым боевым генералом, но, став во главе армии благодаря благосклонности венценосца, он просто оказался не на своем месте. Для командующего требовались опыт аналитической и организационной работы, умение осуществить оперативное планирование, выстроить, наладить и поддерживать систему по управлению войсками, а также навязать собственную волю противнику. Во всем этом Ренненкампф не преуспел. Он был склонен, скорее, к резким движениям и эмоциональным порывам, нежели к методичной работе. Как бывший командир корпуса он умел реагировать на изменения в обстановке, но не управлять ею. Потому при всей энергичности, он не навязывал собственного хода событий, а больше следовал за ним. Отсюда и миф о «пассивности Ренненкампфа». Хотя отдаваемые им приказы рисуют его как энергичного полководца, требующего непрерывного наступления, он все равно оставался в большей степени заложником развития ситуации (действий немцев, начальства или подчиненных), как например, во время наступления в Восточной Пруссии. Лишь в период сентябрьского отступления и в боях под Лодзью проявились попытки генерала навязать свою логику событиям, однако из-за излишней импульсивности, несистемности и темпераментности⁴¹, ошибок в оценке

обстановки (включая переоценку собственных возможностей), отсутствия должного опыта, а также разногласий с начальством, его энергия не только часто не находила должного применения, но и порою шла во вред.

Примечания

- ¹ Пахалюк К. Боевые действия в Восточной Пруссии в Первую мировую войну. Указатель литературы. Калининград, 2008. С. 32–34.
- ² Андоленко С. Ренненкампф // Возрождение. 1970. №221. С. 56.
- ³ Дрейер В. Генерал П. К. Ренненкампф // Военная быль. 1965. №74. С. 29, 30.
- ⁴ Деникин А. И. Путь русского офицера. М., 1991. С. 132.
- ⁵ Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). 2003. Оп. 2. Д. 786. Л. 101.
- ⁶ Успенский А. А. Указ. соч. С. 15.
- ⁷ Дрейер В. Генерал П. К. Ренненкампф // Военная быль. Париж, 1965. №74. С. 29.
- ⁸ Гурко В. И. Война и революция в России. М., 2008. С. 25–26.
- ⁹ См.: Махров П. Без страха и упрека // Часовой. 1962. №430. С. 17.
- ¹⁰ Романов А. В. Указ. соч. С. 114.
- ¹¹ Романова М. Воспоминания великой княжны. М.: Центрполиграф, 2007. С. 183.
- ¹² РГВИА Ф. 2003. Оп. 2. Д. 786. Л. 103Л. 79 об 13 Романов А. В. Дневник великого князя Андрея Владимировича Романова (1914–1917). М., 2008. С. 123. РГВИА Ф. 2003. Оп. 2 Д. 786 Л. 85 об 14 См. подробнее. Бубнов А. Д. В царской ставке. М., 2008. С. 37–39.
- ¹³ Аккерман П. А. В штабе дивизии // Голос минувшего. 1917. №11–12. С. 310; см. также Бубнов А. Д. Указ. соч. С. 39; РГВИА Ф. 2003. Оп. 2 Д. 786. Л. 106–108.
- ¹⁴ Восточно-прусская операция: сборник документов. М., 1939. С. 304–305.
- ¹⁵ См. Бахурин Ю. А. «Вокзал для двоих». К вопросу о «мукденской пощечине» Самсонова Ренненкампфу // Рейтар. 2010. №51. С. 144–153.
- ¹⁶ См.: Л. С. Из деятельности генерала Ренненкампфа // Сборник статей по военному искусству. М., 1921. С. 169–191.
- ¹⁷ См.: Восточно-Прусская операция... С. 328.
- ¹⁸ Там же. С. 20.
- ¹⁹ Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 г. на русском фронте. Начало войны и операции в Восточной Пруссии. Прага, 1926. С. 375.
- ²⁰ Восточно-Прусская операция... С. 387.
- ²¹ Там же. С. 389.
- ²² Отметим, что его внука Л. Белоярцева в настоящее время проживает в Калининграде.
- ²³ Гофман М. Война упущенных возможностей. М.-Л., 1925. С. 48. Людендорф Э. Мои воспоминания о войне. Минск- М., 2005. С. 68.

- ²⁶ РГВИА Ф. 2003. Оп. 1. Д. 70. Л. 122, 213, 132.
- ²⁷ Там же Л. 132. Л. 213.
- ²⁸ Данилов Ю. Н. Русская армия в Великой войне. Берлин, 1924. С. 192.
- ²⁹ Л. С. Указ. соч. С. 188–191.
- ³⁰ См. РГВИА Ф. 2106. Оп. 1. Д. 156. ЛЛ., 1, 5, 9, 11, 15, 29, 38–39, 41, 46. Романов А. В. Дневник великого князя Андрея Владимировича Романова (1914–1917). М., 2008. С. 58.
- ³¹ См. Деникин А. И. Указ. соч. С. 141–142.
- ³² РГВИА Ф. 2106. Оп. 1. Д. 157. Л. 233.
- ³³ Данилов Ю. Н. Русская армия в Великой войне. Берлин, 1924. С. 225.
- ³⁴ Корольков Г. К. Лодзинская операция. М., 1936. С. 161.
- ³⁵ Спиридович А. И. Великая война и февральская революция. Минск, 2004. С. 29.
- ³⁶ Л. С. Указ. соч. С. 169–191.
- ³⁷ Романов А. В. Указ. соч. С. 143.
- ³⁸ См. Романов А. В. Указ. соч. С. 114.
- ³⁹ РГВИА Ф. 2003. Оп. 2 Д. 786. Л. 96.
- ⁴⁰ Уткин А. Первая мировая война. М., 2002. С. 132.
- ⁴¹ Незнамов А. Стратегия темперамента // Сборник статей по военному искусству. М., 1921. С. 165–167.